

— Нам нужно поговорить.

По настоянию Цзинчжэ они дождались сумерек и нашли уединённое место. Разговаривать на дворцовой дорожке, где в любой момент мог появиться кто угодно, было небезопасно.

В итоге они снова пробрались во дворец Сефан.

Причина была проста: здесь располагалось множество дворцовых построек, но ни в одной из них не жили господа. Кроме слуг, ежедневно убирающих и охраняющих это место, здесь было совершенно безлюдно.

Цзинчжэ изо всех сил старался не думать о том, о чём думать не следовало. «Сохраняй спокойствие, сохраняй спокойствие, сохраняй спокойствие...» — он повторял это как мантру, пока в голове не остались лишь эти два слова.

— Цзинчжэ, — внезапно позвал Жун Цзю.

— Сохраняй спокойствие! — невольно выпалил Цзинчжэ.

— А ты, похоже, совсем не спокоен.

Цзинчжэ кашлянул, давая понять, что это была лишь досадная оплошность.

Прежде чем начать разговор, он счёл необходимым задать тон их беседе.

— Спорить можно, но без рукоприкладства, — решительно заявил он.

Жун Цзю, то ли от удивления, то ли от забавы, взял его за руку. Прохладное прикосновение заставило Цзинчжэ инстинктивно дёрнуться, но сильная хватка не дала ему высвободиться.

— Такое прикосновение тоже запрещено?

— Только до этого, — с трудом выдавил Цзинчжэ.

В ответ Жун Цзю провёл пальцем по его ладони.

Цзинчжэ безмолвно возмутился.

Какой же несносный!

Они неловко уселись на ступени дворца. Цзинчжэ занял краешек слева, а длинноногий Жун Цзю, расположившись выше, поставил ноги в сапогах прямо на землю, создавая образ небрежной элегантности.

Цзинчжэ некоторое время смотрел на его профиль в лунном свете, прежде чем вспомнить о цели их встречи.

Жун Цзю медленно улыбнулся.

Едва заметно, но этого хватило, чтобы Цзинчжэ тут же отвёл взгляд.

— Ты... что ты говорил об отравлении? — помедлив, всё же спросил он.

Безумные поступки Жун Цзю были вызваны именно этим, и, несмотря на все проблемы, его здоровье волновало Цзинчжэ больше всего.

— Родители стали врагами, любовь матери обратилась в ненависть. Она не желала моего рождения и хотела, чтобы я поскорее сошёл в могилу, — холодно ответил Жун Цзю.

Эта простая фраза ошеломила Цзинчжэ.

— Яд... тебе дала твоя мать? — с трудом выговорил он.

Он чувствовал, что у Жун Цзю непростые отношения с родителями, но отравить собственного ребёнка?

Какая жестокость.

Лицо Жун Цзю оставалось бесстрастным, словно речь шла о чём-то незначительном. Если бы Цзинчжэ не спросил, он бы никогда об этом не упомянул.

И его слова, и его вид — всё говорило о том, что это пустяк.

Но это не было пустяком.

«Цзинчжэ, не все родители любят своих детей так, как любили тебя твои. Некоторых не ждут с самого рождения, их хотят задушить в колыбели. Выживают лишь благодаря удаче и бесстыдному желанию жить».

Цзинчжэ вспомнил тогдашний вид Жун Цзю.

Мужчина был невозмутим, его бледное, прекрасное лицо походило на искусно вырезанную статую. Каждое слово, слетевшее с его губ, отзывалось в душе Цзинчжэ удушающей болью.

Родители, ребёнок... Могут ли между ними быть такие жестокие, яростные отношения?

Цзинчжэ не мог себе этого представить.

Он хотел спросить больше, но чувствовал, что это болезненная тема для Жун Цзю. В молчании он не знал, что сказать. Любые слова казались пустыми.

— Это было давно. Дела прошлого поколения, — словно почувствовав его замешательство, холодно произнёс Жун Цзю. — Все они мертвы, и умерли быстро и чисто.

— Какие бы ни были обиды, переносить их на тебя... неправильно, — помолчав, тихо сказал Цзинчжэ. — Что говорит лекарь?

— Так скоро не умру.

Цзинчжэ пнул его сапог.

— Не говори о смерти, — пробормотал он.

Жун Цзю сжал переносицу. Этот обычный жест в его исполнении почему-то казался выражением сдерживаемого раздражения.

— Я должен был умереть до тридцати. Но после того, как нашёл лекаря, смогу прожить до пятидесяти-шестидесяти.

Для большинства людей это был уже преклонный возраст.

Цзинчжэ с сомнением посмотрел на него, боясь, что тот лжёт. Но такой человек, как Жун Цзю, вряд ли стал бы опускаться до обмана.

— Если бы не этот случай, ты бы... ничего мне не рассказал?

Тридцать лет?

...Он даже не знал точного возраста Жун Цзю, но ему точно было больше двадцати пяти.

Значит, оставалось всего несколько лет.

Цзинчжэ не осознавал, что его тон выдавал желание провести с Жун Цзю как можно больше времени.

— Конечно, рассказал бы, — взгляд Жун Цзю остановился на нём.

Перед самой смертью.

Голос звучал мягко, но в нём таилась странная, кровавая нотка.

Их разделяло некоторое расстояние, и лишь их руки были соединены. Жун Цзю крепко держал его ладонь.

Прохладная кожа согрелась от тепла Цзинчжэ, и казалось, можно было почувствовать пульсацию крови.

— Я бы сказал тебе, Цзинчжэ. А потом увёз бы с собой.

Пальцы Цзинчжэ инстинктивно дрогнули, пытаясь выскользнуть, но их тут же сжали ещё крепче.

Удушающее чувство плена заставило его нахмуриться. Он посмотрел на Жун Цзю, встретившись с его тёмным, тяжёлым взглядом.

— Тебе не кажется, что иногда... ты говоришь довольно пугающие вещи? — мягко намекнул он.

Не «довольно», а «невероятно».

У него было стойкое ощущение, что если бы сейчас выяснилось, что Жун Цзю — серийный убийца, он бы ничуть не удивился.

Он отчаивался из-за характера Жун Цзю.

Несмотря ни на что, мысли Цзинчжэ были довольно просты.

Быть с кем-то, если повезёт, долго и счастливо, в мире и покое... Но почему с Жун Цзю всё так сложно?

Жун Цзю силой расправил его сжавшиеся пальцы и переплёл их со своими. Хватка была

несильной, но Цзинчжэ всё равно почувствовал себя загнанным зверем.

— Пугающие? — неторопливо произнёс Жун Цзю. — Цзинчжэ, на тебя я трачу не более одного процента.

В голосе мужчины, если прислушаться, слышалось сдерживаемое усилие.

— С тобой я предельно терпелив.

Жун Цзю никогда в жизни не действовал так постепенно.

Цзинчжэ потерял дар речи.

Что?

Один процент? Ха-ха-ха... это же преувеличение... наверное. Но терпелив?

Где он был терпелив?!

Цзинчжэ с трудом подавил желание закричать. Он всегда считал Жун Цзю быстрым, точным и решительным, иначе их отношения не развивались бы так стремительно.

Если это называется терпением...

Тогда ему стало интересно, как выглядит нетерпеливый Жун Цзю... Стоп. В памяти Цзинчжэ промелькнули ужасные воспоминания о новогодней ночи, и он кашлянул.

Лучше не напрашиваться.

Он осторожно обошёл опасную тему.

— Дело не в терпении... Жун Цзю, ты меня иногда пугаешь, — тихо и доверчиво сказал Цзинчжэ. — Я не знаю... смогу ли я выдержать это в какой-то момент...

Раз уж они решили поговорить, Цзинчжэ не хотел больше игнорировать эти проблемы. Между ними была огромная пропасть, созданная не ими, а самой жизнью.

Но нельзя вечно её игнорировать и надеяться, что Цзинчжэ сможет всё стерпеть...

Он в себе не был уверен.

Цзинчжэ любил Жун Цзю, и эта любовь, вероятно, будет продолжаться. Но любовь не превратит его в покорного глупца.

Среди опасностей он остро осознавал, что источником многих из них...

Был сам Жун Цзю.

Одно его существование.

— Ты всегда был слишком чувствителен, до жалости, — Жун Цзю покачал их сцепленными руками и ровно произнёс. — Цзинчжэ, «искренен ли говорящий? Благороден ли он? Или лишь принимает важный вид?»

Он потянул Цзинчжэ за руку, заставляя пододвинуться ближе, и посмотрел на него сверху вниз.

— Ты веришь моим словам?

— Единство знания и действия важно, — нервно облизнув губы, ответил Цзинчжэ. — И судить по поступкам, а не по словам — это разумно... но... — он опустил взгляд на их руки. В лунном свете кожа мужчины казалась белее его собственной, но это была не здоровая, а какая-то подавленная, холодная белизна.

— Если... если ты что-то скажешь, я поверю, — почти нежно произнёс он.

Полностью доверять кому-то было трудно. Цзинчжэ за все эти годы смог открыться только Миньюю.

Сердце Цзинчжэ было маленьким.

В нём не помещалось слишком много.

Но если Жун Цзю захочет войти, он постарается.

Жун Цзю помолчал, а затем его голос смягчился.

— Уже не боишься?

Он умел говорить такие нежные, волнующие слова.

Цзинчжэ совершенно не осознавал своей силы, того, как легко он может растопить толстый лёд, покрывавший душу Жун Цзю, усмирить его безудержную злобу, а затем породить ещё более пугающие желания.

— Боюсь, — обиженно ответил Цзинчжэ.

Конечно... он всё ещё боялся Жун Цзю, как можно было не бояться?

По сравнению с его яростным нравом, вся эта властность и давление были пустяками. Подавление за подавлением... и привыкаешь.

Цзинчжэ взял руку Жун Цзю и приложил её к своей шее, затем поднял на него глаза.

С этого ракурса лунный свет падал на спину Жун Цзю, смягчая его очертания, но лица было не разглядеть.

Но Цзинчжэ чувствовал его тяжёлый, неотступный взгляд.

— Ты хочешь... убить меня?

Иногда даже Жун Цзю не мог понять, что творится в голове у Цзинчжэ. Откуда берётся такой глупец, который сам дразнит тигра?

Широкая ладонь легла на шею Цзинчжэ, пять пальцев точно сомкнулись на сонной артерии.

Тук-тук.

Сердцебиение было учащённым.

Хрупкая шея, хрупкая жизнь — всё в его руках.

И тогда Жун Цзю, подражая тону Цзинчжэ, ответил:

— Хочу.

Это жгучее желание мучило его днём и ночью, заставляя хотеть вырвать его внутренности, растоптать его плоть... Словно стервятник, кружащий над падалью, его одержимое чувство собственности никогда не знало насыщения.

— Цзинчжэ, ты прекрасен.

В холодных словах почему-то чувствовался обжигающий жар.

— У тебя красивые глаза, приятный на ощупь нос, мягкие губы, сладкий запах... — говорил мужчина прямо, даже вульгарно, и в его тёмных глазах, невидимых для Цзинчжэ, бушевали бесконечная злоба и ярость. — Кто не захочет сомкнуть пальцы на твоей шее, чтобы воздух проходил в лёгкие лишь под его контролем...

Полностью завладеть телом под собой, слышать его прерывистое дыхание — как это будет прекрасно. Каждый вдох... дарован им.

Сердцебиение изменилось.

Участилось. Испугалось.

Но пальцы, лежавшие на руке Жун Цзю, не сдвинулись.

Цзинчжэ глубоко дышал, вдыхая полной грудью сладкий, чистый воздух.

Возможно, он вспомнил тот день, тот ужас удушья.

— Если так, ты будешь доволен? — осторожно спросил он.

Жун Цзю скрыл все свои эмоции, его холодный, как лезвие, взгляд резал нежную кожу, заставляя нервы звенеть от боли.

Цзинчжэ не понимал, какие ужасные слова он произнёс.

Что он так легко может выпустить на волю зверя.

Навлечь на себя неудержимый ад.

— Нет, — легко ответил Жун Цзю.

Его пальцы лежали на самом уязвимом месте Цзинчжэ, сдержанная сила оставляла лишь лёгкие следы.

— Не говори больше таких слов.

Цзинчжэ услышал в его голосе сдерживаемое усилие — самое сильное проявление эмоций, которое он когда-либо от него видел.

Жун Цзю убрал руку.

— Подставлять шею палачу — нехорошая привычка.

— Ты же не палач, — Цзинчжэ потёр шею.

После этого разговора он немного расслабился, словно то, что Жун Цзю его не задушил, было поводом для радости.

И снова Жун Цзю задался вопросом, что за чушь творится в голове у Цзинчжэ.

— Не доверяй никому, — холодно произнёс он, будто говорил не о себе.

— Никому в этом мире нельзя доверять.

— Включая тебя? — склонил голову Цзинчжэ.

— Мне — в первую очередь.

Цзинчжэ рассмеялся. Сидя на две ступеньки ниже, он покачал ногами.

— Жун Цзю, давай не будем торопиться, хорошо?

Хоть они и виделись каждый месяц, этого было слишком мало, чтобы по-настоящему узнать друг друга.

Притирка тоже требовала времени.

Цзинчжэ не сбежал от Жун Цзю, и он считал себя уже достаточно сильным, но переходить на следующий уровень было ещё рано.

— Нормальный человек оттолкнул бы меня.

— А если я оттолкну тебя, что ты сделаешь?

— Но ты не сможешь, — как само собой разумеющееся, ответил Жун Цзю.

Цзинчжэ закатил глаза и пнул его.

Жун Цзю лениво подвинул свою длинную ногу, даже не удосужившись стряхнуть пыль, и просто смотрел на Цзинчжэ.

О чём они, собственно, договорились?

Да ни о чём.

Но почему-то Цзинчжэ почувствовал облегчение.

Только сейчас он осмелился признаться себе.

Пока они были «на паузе», он... всё время скучал по Жун Цзю.

— Но, похоже, ты ни о чём не жалеешь, — с горечью сказал он.

Послушать только, какие ужасы он только что наговорил.

— Я всё обдумал.

Цзинчжэ удивлённо поднял брови. Услышать такое от него было почти невозможно.

— И что же ты обдумал?

— В следующий раз я извинюсь.

Цзинчжэ потерял дар речи.

Он в сердцах пнул Жун Цзю ещё раз.

— Извиняются, чтобы больше так не делать, а не для того, чтобы делать это с чистой совестью!

Цзинчжэ отчаянно хотелось встряхнуть Жун Цзю за плечи.

В последнее время в Управлении по надзору за дворцовыми залами царила гнетущая атмосфера.

Впрочем, она царила не только здесь, но и во всём гареме.

Фэй Чжан умерла во дворце Шоукан, резиденции Вдовствующей императрицы.

Кто был убийцей, никто не смел сказать вслух, но все знали... это был император Цзинъюань.

Вдовствующая императрица была в ярости.

А придворные чиновники были возмущены поступком императора. Горы прошений и увещаний почти завалили ступени перед дворцом Цяньмин.

Если император может так запросто убивать своих наложниц, то отправлять дочерей в гарем — значит толкать их в огненную яму.

И знатные семьи, и чиновники, чьи дочери были в гареме, были обеспокоены.

А безрассудное поведение императора лишь усиливало этот страх.

В этой ужасающей атмосфере все наложницы вели себя тише воды, ниже травы, стараясь быть незаметными. Что уж говорить о слугах.

В такие моменты Гушэн радовался, что они не приписаны ни к какому дворцу.

Иначе можно было бы умереть от напряжения.

В последнее время Цзинчжэ, то ли боясь за них, то ли по какой-то другой причине, загрузил их учёбой так, что у них не оставалось сил ни на что другое.

Гушэн, возвращаясь к себе, падал замертво. Его сосед по комнате говорил, что он так храпит, будто смертельно устал.

Ещё бы!

Гушэн никогда не думал, что умственный труд может быть таким мучительным.

Впрочем, эти усилия принесли свои плоды.

Они уже начали разбираться в иероглифах. Хотя некоторые редкие знаки им всё ещё были не по зубам, для них и этого было достаточно.

Никто из них не собирался сдавать экзамены и становиться чиновником, главное — чтобы хватало для дела.

Гушэн сложил свои исписанные листы. Одна только эта стопка бумаги стоила немалых денег, и это была самая дешёвая.

Впрочем, эти остатки принёс Юнькуй.

Он купил их на свои деньги, сказав, что это сущие пустяки.

После того как он попал в Управление по закупкам, его кошелёк заметно потолстел. Бумага была хоть и низкого качества, которую книжные лавки продавали за бесценок, для них она была в самый раз.

— Хуэйпин, ты здесь ошибся, — сказал Гушэн. — Цзинчжэ же говорил, что этот штрих нужно вести влево.

Хуэйпин нахмурился:

— Опять неправильно.

Неподалёку Цзинчжэ поправлял Юнькую постановку руки.

Место для занятий они меняли уже не раз. Найти уединённое, но достаточно просторное место было непросто.

В итоге им помог Чжэн Хун.

Сегодня перед закатом Цзинчжэ наконец закончил проверять у всех уроки.

Быстрее всех справлялся Юнькуй, за ним шёл Гушэн. Шиэнь и Хуэйпин были примерно на одном уровне, но основы чтения уже освоили.

Если они могли понимать хотя бы часть, это уже было неплохо.

Цзинчжэ потянулся, разминая затёкшие мышцы, и услышал разговор Шиэня и Юнькуя.

— Юнькуй, ты в последнее время ничего особенного не слышал?

Даже отказавшись от сплетен с посторонними, Шиэнь не мог удержаться от них в кругу своих.

— Слышал только, что дело Фэй Чжан очень странное.

Шиэнь, обожавший такие разговоры, тут же пододвинулся ближе. Гушэн и Хуэйпин тоже присоединились.

— Хотя многие знатные семьи недовольны, семья Чжан с самого начала молчит, — поделился Юнькуй.

Ни жалоб, ни вопросов при дворе, никаких действий.

Это было ненормально.

— Такое случилось, а семья Чжан никак не реагирует. Это как-то бессердечно, — удивился Гушэн.

Цзинчжэ замер, потягиваясь, и вспомнил слова Жун Цзю.

После их разговора — который, по сути, ни к чему не привёл, и как жаловался Минъюй, если бы Цзинчжэ хотел порвать, он бы давно это сделал — Жун Цзю сам заговорил о делах при дворе.

Возможно, он помнил, как Цзинчжэ осматривал его, и знал о его беспокойстве.

— Ребёнок Фэй Чжан был не от императора. Император вырезал ещё не сформировавшийся плод и вместе с тем стражником отправил семье Чжан.

Цзинчжэ онемел.

Он знал, что император Цзинъюань убил Фэй Чжан, но не думал, что это было сделано так кроваво и жестоко.

— ...Ты же говорил, что Его Величеству всё равно, кто ему... изменяет? — пробормотал Цзинчжэ.

— Император всегда знал, — спокойно ответил Жун Цзю, его взгляд был прикован к Цзинчжэ.

— В новогоднюю ночь Фэй Чжан и её любовник были во дворце Сефан.

— Дворец Сефан?! — Цзинчжэ вскочил. — Дворец Сефан!

Это же там, где они сейчас!

Цзинчжэ поджал губы, помрачнев.

— Она мертва, чего ты боишься? — Жун Цзю не нравилось, что Цзинчжэ отдалился, и он снова притянул его к себе. — Император всегда знал и не обращал внимания. Но на этот раз Фэй Чжан, случайно обнаружив свою беременность, поддалась искушению и захотела приписать ребёнка императору.

Жун Цзю был немногословен, и такое длинное объяснение было для него редкостью.

Цзинчжэ был ошеломлён.

Измена Фэй Чжан не была чем-то из ряда вон выходящим, но забеременеть и пытаться обмануть императора...

Этого он стерпеть не мог.

— Но как Фэй Чжан могла быть такой смелой? Она же... разве она не знала, был ли у неё с Его Величеством интим?

Ребёнок не его, откуда у неё такая безумная смелость?

— Если бы этот ребёнок родился, он стал бы первым наследником в гареме. Неважно, мальчик или девочка, его положение было бы особенным, — холодно произнёс Жун Цзю.

— ...Но она же должна была знать характер Его Величества. — Жун Цзю служил при дворе, и Цзинчжэ не хотел говорить слишком открыто.

Но в его глазах император Цзинъюань был жестоким, хладнокровным и кровожадным. По сравнению с ним Жун Цзю был просто ангелом.

Как можно было так рисковать с таким чудовищем?

— Император годами намеренно поощрял их жадность и амбиции. Были и те, кто, рискнув, добивался благосклонности, — равнодушно сказал Жун Цзю. — К тому же... она угадала в одном.

Взгляд мужчины был тёмным и лишённым всяких эмоций. Говоря о фэй Чжан, он будто говорил о неодушевлённом предмете.

— Она догадалась, что у императора нет особых желаний, и, возможно, он не способен иметь собственных детей.

Рискнуть всем...

Если бы получилось, разница была бы колоссальной.

Цзинчжэ замер, не сразу поняв смысл последних слов... Что? Император действительно... не может?

Но он научился держать язык за зубами.

На этот раз он не выпалил свой вопрос вслух.

Но, независимо от способностей императора, слова Жун Цзю позволили Цзинчжэ взглянуть на это дело под другим углом.

Он слышал, что некоторые семьи, если не могли родить сына, предпочитали усыновить чужого ребёнка, а не передавать наследство братьям или дочерям. Психология таких людей была очень искажённой.

— Во дворце и вправду страшно, — тихо сказал Цзинчжэ.

Жун Цзю ущипнул его за щеку.

— И это страшно?

— Мне кажется, Его Величество держит этих наложниц в гареме, как зверей в клетке, и стравливает их друг с другом, — честно признался он.

— Примерно так, — холодно ответил Жун Цзю.

— Но он ведь давал им шанс.

Хлоп!

Резкий шлепок по плечу вернул Цзинчжэ в реальность.

Перед ним стоял Шиэнь.

— О чём задумался?

Он звал его несколько раз, но тот не отзывался.

— Я просто думал, как долго на этот раз будут ссориться Вдовствующая императрица и Его Величество? — медленно произнёс Цзинчжэ.

Была ещё одна причина, о которой Жун Цзю не сказал, но Цзинчжэ догадался сам.

Одной из опор Фэй Чжан, вероятно, была Вдовствующая императрица.

Когда её разоблачили, ей пришлось пойти ва-банк. В случае успеха она бы получила всё. В случае неудачи, находясь во дворце Шоукан, она бы в любом случае выжила.

— В любом случае выжила.

Именно это погубило Фэй Чжан и привело Вдовствующую императрицу в ярость.

Даже когда кровь во дворце Шоукан смыли, когда всё выбросили и заменили новым, когда всех слуг, кроме доверенных, убили, Вдовствующая императрица всё ещё чувствовала неотступный запах крови.

В стенах, в воздухе.

Он пропитал всё вокруг, не давая успокоиться.

Вдовствующая императрица пила чай, когда её взгляд упал на красный кошелёк на поясе прислуживающей ей служанки. В ярости она схватила чашку и швырнула её в голову.

Горячий чай обжёг служанку, но та, дрожа, не смела издать ни звука и тут же упала на колени.

— Вон отсюда.

Придворная дама немедленно выпроводила служанку, приказала убрать осколки и принести новую чашку.

На этот раз она сама подала её Вдовствующей императрице.

Брови той были нахмурены. Годы не оставили на её лице много следов, но за последние несколько дней она будто постарела на несколько лет.

Это было унижительно.

Она глубоко вздохнула, подавляя ярость, и сделала несколько глотков чая.

— Где император?

— Отправился в сад Шаньюй, — почтительно склонив голову, ответила придворная дама.

— Он оставил здесь такой беспорядок, а сам отправился развлекаться! — саркастически усмехнулась Вдовствующая императрица.

Её пальцы сжались в кулак так сильно, что сломались ногти, но она не почувствовала боли.

В её душе горел лишь неугасимый гнев на императора Цзиньюаня.

В тот день перепуганная Фэй Чжан, плача, молила её о пощаде, и Вдовствующая императрица действительно хотела спасти ей жизнь.

Не по доброте душевной, а потому что это был дворец Шоукан.

Её территория!

Как император Цзиньюань посмел убивать в её дворце? Даже если она сама не любила Фэй Чжан, расправиться с ней должна была она!

Но в тот миг движения императора были пугающе быстрыми.

Он лишь слегка шевельнул рукой, и с кровати раздался пронзительный крик.

Предсмертный вопль Фэй Чжан, брызги крови, чавкающий звук разрываемой плоти и, наконец, маленький комочек мяса...

К горлу подступила тошнота. Вдовствующая императрица с отвращением отшатнулась, сжав чашку с такой силой, что она разлетелась на осколки.

— Ваше Величество!

Придворная дама в панике бросилась к ней, но Вдовствующая императрица разжала руку, и осколки посыпались на пол.

Вместе с ними упало несколько капель алой крови.

Она позволила придворной даме вынимать осколки из её ладони, её голос был ледяным:

— Император так унизил меня. Если я стерплю это, то как смогу жить дальше?

Она холодно посмотрела на придворную даму.

— Выяснила?

— За последние несколько месяцев Фэй Чжан не встречалась с Его Величеством, за исключением конца прошлого года. Однако она часто и подолгу принимала своего любовника, в основном в своих покоях, но иногда и во дворце Сефан.

— Дворец Сефан... — пробормотала Вдовствующая императрица.

События того дня пронеслись так быстро, что некоторые детали стёрлись из памяти, но разговор Фэй Чжан с императором она помнила отчётливо.

Фэй Чжан угрожала ему.

Вдовствующая императрица не могла не усмехнуться её высокомерию и самонадеянности, но последующие действия императора косвенно подтвердили её слова.

Он действительно вырезал ей язык.

У Фэй Чжан был компромат на императора?

К сожалению, она умерла слишком быстро, и вместе с ней были убиты все её слуги.

И Вдовствующая императрица не могла ничего возразить, ведь в тот день, держа в руках маленький комочек плоти, император Цзинъюань так весело сказал:

— Ха, похоже, этот ребёнок не имеет ко мне никакого отношения.

Затем он повернулся к Нин Хунжу.

— Отправь это, тело Фэй Чжан и её любовника в поместье Чжан.

Окровавленное лицо императора светилось безумной радостью, словно измена наложницы его ничуть не заботила.

— Слушаюсь, — бесстрастно ответил Нин Хунжу.

Император Цзинъюань с самого начала знал, что ребёнок Фэй Чжан — не его.

Сказав это в присутствии Вдовствующей императрицы, драгоценной супруги и Фэй Дэ, он с мечом в руке вышел.

Даже зная, что он идёт убивать слуг Фэй Чжан, Вдовствующая императрица ничего не могла сделать!

Не потому что не могла, а потому что не имела права.

Кто мог помешать императору Цзинъюаню вершить справедливое наказание?

По дворцовым правилам Фэй Чжан заслуживала смерти!

Потеряв возможность узнать что-либо от Фэй Чжан, Вдовствующая императрица радовалась лишь тому, что её люди действовали быстрее и кое-что разузнали.

Она помнила о дворце Сефан.

Это была прежняя резиденция императора Цзинъюаня.

Вдовствующая императрица Цышэн не любила его. Стоило ему появиться перед ней, как она искала способ его убить.

Покойный император, не в силах это терпеть, поселил Цзинъюаня во дворце Сефан — самом дальнем дворцовом комплексе.

Дальше — значит реже видетсяя.

После смерти Цышэн покойный император не проявлял особой любви к девятому принцу и продолжал держать его на расстоянии.

Если это то место...

То, зная характер императора и его собственническое отношение к своей территории,

неудивительно, что он знал об измене Фэй Чжан.

Но если он раньше молчал, значит, ему было всё равно.

Однако такая жестокая расправа несомненно была связана со словами, которые ранее говорила драгоценная супруга.

...У императора, похоже, действительно кто-то есть на сердце.

И поэтому ему стало не всё равно.

Мужчины иногда дорожат своей так называемой «белой луной», своей единственной, больше, чем женщины. Смешно, ведь эти чувства исходят от них самих, но они всегда винят в этом женщин.

Но если это не наложница и не служанка, то кто? Уж не эти ли мёртвые евнухи?

Вдовствующая императрица брезгливо скривилась. Невозможно!

...Может, кто-то не из дворца?

Она задумалась. В последнее время император Цзинъюань стал чаще бывать в саду Шаньюй.

Размышляя об этом, она небрежно сказала:

— Сделай то, о чём мы говорили.

— Слушаюсь, — почтительно поклонилась придворная дама.

Вдовствующая императрица холодно улыбнулась.

Долг платежом красен. Она не из тех, кто сносит обиды.

— Закончишь с этим и можешь отдыхать.

В Управлении по надзору за дворцовыми залами Цзян Цзиньмин дал Цзинчжэ последние указания и неторопливо удалился.

С появлением Цзинчжэ у него стало гораздо больше свободного времени. Другие начальники управлений ему завидовали.

Раньше Управление по надзору за дворцовыми залами было одним из самых загруженных мест.

А теперь этот старый лис Цзян Цзиньмин отдыхает!

Оставшейся работы было немного, и Цзинчжэ, привыкший к ней, быстро со всем справился.

Он раздумывал, почитать ли ещё немного или пойти отдохнуть, когда в дверях показалась голова Лайфу. Он явно искал его.

— Что-то случилось?

Лайфу поспешно замотал головой. Он дружил с Шиэнем, но с Цзинчжэ почти не общался.

— Тебя у ворот спрашивают. Говорят, из Северных покоев.

Из Северных покоев?

После ухода Миньюя он возвращался туда лишь однажды, чтобы навестить Чэнь Миндэ.

— Сейчас посмотрю.

Как бы то ни было, Северные покои были его домом. Кто мог его искать... Неужели Саньшунь?

Так и оказалось.

Ещё изнутри он увидел высокую фигуру Саньшуня, стоявшего у ворот.

— Дедушка Дэ заболел? — испуганно спросил он.

Саньшунь замахал руками:

— Нет, нет, Цзинчжэ, дедушка Дэ просил меня передать, чтобы ты, как будет время, зашёл.

Он по-доброму улыбнулся.

— Пойдём, — Цзинчжэ вышел за ворота.

— Сейчас? — удивился Саньшунь.

— У меня как раз есть время.

Он потащил Саньшуня за собой. По дороге, боясь, что тот что-то скрывает, он расспрашивал его о здоровье Чэнь Миндэ.

Саньшунь без утайки отвечал на все его вопросы, и вскоре Цзинчжэ был в курсе всех последних событий в Северных покоях.

Чэнь Миндэ был здоров, даже слишком.

Иначе он не смог бы так успешно противостоять матушке Мин.

Цзинчжэ никогда бы не подумал, что воспрянувшая духом матушка Мин окажется такой неугомонной.

Пока он слушал о баталиях Чэнь Миндэ и матушки Мин, они уже подошли к Северным покоям.

— Саньшунь, ты служишь у дедушки Дэ, будь осторожен.

Саньшунь молча кивнул, потирая затылок.

Войдя, он увидел улыбающегося Лидуна. Рядом стоял Цитуй с недовольным лицом, но, увидев Цзинчжэ, тоже выдавил из себя подобие улыбки.

— Давно не заходил. Как ты? — радушно спросил Лидун.

Цзинчжэ рассеянно кивнул и быстро последовал за Саньшунем.

Когда он вошёл в покои Чэнь Миндэ, Цитуй с насмешкой посмотрел на Лидуна.

— Хочешь с ним дружить, а ты ему нужен?

— Брат Цитуй, не надо так со мной из-за того, что Баци заболел, — улыбнулся Лидун.

— Я тут ни при чём.

В последнее время Баци сильно болел и не вставал с постели.

Цитуй холодно фыркнул и отвернулся.

Они с Баци были дружны и все эти годы держались вместе. Когда Баци заболел, его место у ворот занял Лидун, и Цитую это было не по душе.

В комнате кашлял Чэнь Миндэ.

Это была его старая болезнь, от которой уже не излечиться.

— Садись, — пригласил он Цзинчжэ. — Саньшунь, ты тоже.

Они послушно сели.

На плечи Чэнь Миндэ была наброшена одежда. Его старые, мутные глаза оглядели Цзинчжэ.

— Выглядишь неплохо.

— Это всё благодаря вам, дедушка Дэ.

— При чём тут я? — Чэнь Миндэ махнул рукой с табакеркой. — Это всё твоя заслуга.

Цзинчжэ молча улыбнулся, зная, что его и Минъюя так легко отпустили из Северных покоев не без помощи Чэнь Миндэ.

Он был из тех, кто помнит добро.

— Дедушка Дэ, вы просили Саньшуня позвать меня. Что-то срочное? — спросил он. — Если я могу помочь, только скажите.

Чэнь Миндэ покачал головой. Помолчав, он указал на Саньшуня.

— Если я умру, присмотри за Саньшунем. Этот ребёнок слишком простодушен, если за ним не следить, пропадёт.

Лицо Цзинчжэ изменилось. Саньшунь вскочил.

— Я могу позаботиться о себе и о тебе тоже!

— Сядь, — ровно произнёс Чэнь Миндэ.

Саньшунь понуро сел.

— Дедушка Дэ, не говорите так, — сказал Цзинчжэ, невольно взглянув в окно. Оно выходило на покои матушки Мин.

— Она тут ни при чём, — покачал головой Чэнь Миндэ. — Я стар, мне осталось год-полтора, не больше.

После тяжёлой болезни Чэнь Миндэ так и не оправился до конца. То, что он дожил до этих лет, было для него неожиданностью.

Похоже, он позвал Цзинчжэ только для этого. Закончив с наставлениями, он улыбнулся.

— Ты редко бываешь здесь, а ведь столько лет провёл в Северных покоях. Я сделаю тебе подарок.

Он посмотрел на Саньшуня.

— Пойди, открой третий ящик в шкафу и принеси оттуда свёрток для Цзинчжэ.

Саньшунь принёс старый свёрток. Чэнь Миндэ больше не задерживал Цзинчжэ и махнул ему рукой.

Цзинчжэ вышел со свёртком за спиной и встретился взглядом с Саньшунем.

Высокий парень опустил голову.

Кап-кап, кап-кап.*

Слёзы, как дождь, падали на землю.

Он плакал, как ребёнок.

Цзинчжэ с тяжестью на сердце похлопал его по плечу, не находя слов утешения.

Иногда он чувствовал своё бессилие, особенно перед лицом таких страданий... Будь то безразличие Жун Цзю к родителям или слёзы Саньшуня, невозможно было по-настоящему разделить чужую боль.

Даже слова утешения казались пустыми.

Когда Саньшунь успокоился, он хотел проводить Цзинчжэ. Тот, подняв голову, увидел выглядывающего Лидуна.

— Саньшунь, можешь задержать Лидуна? Мне нужно поговорить с Цитуйем, — внезапно попросил он.

Саньшунь кивнул и пошёл к воротам.

Мгновение спустя Цзинчжэ ошеломлённо смотрел, как Саньшунь взвалил Лидуна на плечо и, несмотря на его крики «отпусти меня», отнёс его напрямик в отхожее место.

Цзинчжэ потерял дар речи.

Что ж, очень эффективное исполнение.

Не придерёшься.

Он подошёл к воротам.

— Цитуй, мне нужно с тобой поговорить.

Тот настороженно посмотрел на него.

— Ты больше не из Северных покоев.

— Но я прожил здесь столько лет. Думаешь, я причиню вам вред?

Цитуй поколебался.

— Не знаю, о чём ты думаешь.

Ушёл из этого гнилого места, зачем возвращаться?

Ему даже не нужно было спрашивать, он и так знал, о чём Цзинчжэ хочет поговорить.

— В Северных покоях действительно беспокойно. Матушка Мин, оправившись, несколько раз вступала в схватку с дедушкой Дэ. Я не знаю, чего она хочет, но она явно стремится к власти здесь, — с тревогой сказал Цитуй. — Но я не понимаю, за что здесь бороться?

Цели человека отражаются в его действиях.

Если матушка Мин борется за власть в Северных покоях, значит, здесь есть что-то, что ей нужно... или что нужно тем, кто за ней стоит.

Цзинчжэ потёр виски. Он и подумать не мог, что в тихих Северных покоях, где он прожил столько лет, за последние год-два развернётся такая драма.

— А это что у тебя? — Цитуй посмотрел на свёрток за спиной Цзинчжэ.

— Дедушка Дэ подарил мне несколько своих старых вещей, — честно ответил тот и, развязав свёрток, показал ему.

Цитуй узнал несколько одеяний, которые раньше носил Чэнь Миндэ.

В это время прибежал Лидун, от которого несло так, что Цитуй и Цзинчжэ отшатнулись.

— Не подходи! — зажал нос Цзинчжэ.

Лидун, остановившись на расстоянии, разочарованно посмотрел на свёрток.

— И это всё, что дедушка Дэ тебе подарил?

— А что ещё?

Запах был невыносим. Цзинчжэ, собрав вещи, махнул рукой стоявшему у входа Саньшуню и попрощался с Цитуем.

Лидун проводил его взглядом, но Саньшунь преградил ему путь.

Перед высокой фигурой Саньшуня Лидун не смел и слова сказать.

Он поплёлся обратно к воротам.

Выйдя из Северных покоев и зашагав по длинному проходу, Цзинчжэ помрачнел.

Он потрогал свёрток за спиной.

Кажется, он догадался, зачем на самом деле Чэнь Миндэ позвал его сегодня.

Причина была в этом свёртке.

Вернувшись в Управление по надзору за дворцовыми залами, Цзинчжэ сразу пошёл в свою комнату. Закрыв дверь и окна, он осторожно разложил свёрток и вынул всю одежду.

Она была изысканной, но дворцового покроя — такую носили евнухи высокого ранга, как Чэнь Миндэ.

Цзинчжэ потрогал ткань, затем подошлы.

Его лицо изменилось. Это была летняя одежда, она не должна была быть такой плотной...

Плотной?

Он вывернул подкладку и нащупал между двумя слоями ткани ещё один, отдельный, не пришитый.

Схватив ножницы, он разрезал все подозрительные места и вытащил семь или восемь кусков ткани. Развернув их, он увидел густо исписанные кровью иероглифы.

При виде почерка Цзинчжэ пошатнулся, словно его ударили по голове.

Внезапный шок заставил его побледнеть.

Это... это почерк его отца.

Почерк Цэнь Сюаньиня!

Руки, державшие ткань, дрожали, глаза застилала пелена. Он отчаянно моргал, вытирал лицо и обнаружил, что оно мокрое от слёз.

Утерев их рукавом, он дрожащими пальцами принялся читать.

Закончив, он сжал ткань в руках и, обхватив голову, опустился на пол.

Тело его содрогалось.

Слёзы капали на пол. А он ещё смел упрекать Саньшуня.

Когда плакал он, слёз было не меньше.

Одежда в свёртке действительно была старой.

Но не Чэнь Миндэ.

А Чэнь Аня.

После смерти Чэнь Аня Чэнь Миндэ каким-то образом сохранил некоторые его вещи, и вот теперь они попали к Цзинчжэ.

Кровавые надписи были не только от Чэнь Аня. Там было и о Цэнь Сюаньине, и о семье Хуан.

Причина, по которой семья Хуан подставила Цэнь Сюаньиня, крылась в их собственном доме.

Но ненависть отступила перед знакомым почерком, и подавляемые годами чувства вырвались наружу.

Он плакал беззвучно.

Цзинчжэ не знал, сколько он проплакал. Придя в себя, он с трудом поднялся.

Он снова вшил все кровавые послания, но не в ту же одежду, а в подкладку своих старых вещей, хранившихся на дне сундука.

Разрезанную одежду он тоже аккуратно зашил, чтобы не оставлять следов.

Когда он закончил, уже стемнело.

Вернувшись, Хуэйпин увидел, что Цзинчжэ лежит в постели. Подумав, что тот нездоров, он старался двигаться тише.

Но на следующее утро, взглянув на Цзинчжэ, он ужаснулся.

— Что у тебя с глазами?

Глаза Цзинчжэ опухли.

От слёз.

И покраснели, покрывшись сеточкой сосудов.

Вчера он, рыдая, ещё и шил.

— Наверное, немного нездоровится, — спокойно ответил Цзинчжэ.

— Немного?! — воскликнул Хуэйпин.

Это было не «немного»!

Он уложил его обратно в постель и побежал отпрашивать у начальства. Шиэнь и Гушэн, заглянув, тоже испугались и велели ему лежать.

Цзинчжэ поблагодарил их за заботу и, убедившись, что Цзян Цзиньмин в курсе, накрылся одеялом и снова уснул.

Прошлой ночью его мучили кошмары, он совсем не выспался.

Но и сейчас сон не шёл. После обеда он с трудом встал, и Хуэйпин заставил его поесть.

Когда он пришёл к Цзян Цзиньмину, тот, посмотрев на его глаза, молча отправил его обратно.

Старый лис Цзян Цзиньмин сразу понял, что Цзинчжэ плакал.

Но, кроме опухоли, его глаза были так налиты кровью, будто он не спал всю ночь.

Уходя, Цзинчжэ получил не только сочувствие, но и два горячих яйца.

— Цзян Цзиньмин велел приложить к глазам.

Он чувствовал себя нормально, но никто, видя его, не позволял ему работать.

Побродив немного, он решил вернуться и съесть яйца. Понуро шагая, он услышал холодный голос:

— На этот раз я тебя не напугал.

Цзинчжэ, сжимая в руках яйца, поднял голову и увидел перед собой Жун Цзю. С мечом у пояса, он выглядел подтянутым и красивым.

От него почему-то веяло холодом, будто он только что вернулся из долгой, пыльной дороги.

Холодный взгляд скользнул по лицу Цзинчжэ и остановился на его опухших, как вареники, глазах. Помолчав, он коснулся припухшего века.

— Как уродливо.

Цзинчжэ, вялый и безразличный, решил простить ему эту грубость. У него не было сил спорить. Опустив голову, он попытался обойти его.

Он и сам знал, что выглядит ужасно... так зачем смотреть... особенно когда перед тобой стоит такой красавец, как Жун Цзю. Контраст был невыносим.

Жун Цзю шагнул в сторону, преграждая ему путь.

Он ловко взял из рук Цзинчжэ яйцо и приложил к его глазу.

— Так делают?

Цзинчжэ лишь промычал в ответ.

Жун Цзю катал яйцо по его веку. Цзинчжэ, закрыв глаза и слегка запрокинув голову, покорно стоял.

— Какой толк от слёз?

— Потому и плачу, что нет толка.

Жун Цзю помолчал.

— Больше не плачь, — холодно и властно приказал он.

— А тебе разве не нравится? — открыв один глаз, с сомнением спросил Цзинчжэ.

Его предчувствие не должно было его обмануть.

Этот извращённый вкус.

— Только для меня, — как само собой разумеющееся, ответил Жун Цзю.

Что ж.

Цзинчжэ снова закрыл глаза.

Зря он спросил.

— Скоро всё решится, — ровно произнёс Жун Цзю, но в его голосе слышалась острая, как лезвие, жажда убийства.

Цзинчжэ хотел спросить, что именно решится.

Но под его прикосновениями он снова почувствовал сонливость и, прислонившись к нему, почти заснул.

— Не приставляй ко мне больше своих людей, — сонно пробормотал он.

— Ты знаешь?

— Думаешь, я дурак? — проскрежетал зубами Цзинчжэ.

Даже дурак бы понял, судя по тому, как быстро Жун Цзю всегда появлялся.

— Нет, — холодно ответил Жун Цзю.

Хрупкая жизнь может оборваться в одно мгновение, стоит лишь сломать позвоночник.

Опасность повсюду. И если Цзинчжэ суждено умереть, то только от его руки.

В уязвимой шее Цзинчжэ билась не одна пара глаз.

А бесчисленное множество.

Словно продолжение глаз Жун Цзю, они мрачно и одержимо следили за ним.

Всегда.

Везде.

<http://bllate.org/book/16993/1587907>